

КРОКОДИЛ № 12

М. Черных

ОГНИ ДВУХ МИРОВ

КУХНЯ ВОЙНЫ

КВАРТИРА БЫЛА большая и запущенная. В коридоре тускло мерцала засиженная мухами десятидневная лампочка. Жильцы обеды и экономили на свете.

Коридор был загроможден рухлядью, вопреки всем правилам пожарной безопасности Ржавые пушки были свалены рядом со старыми генеральскими портками, изъеденными крысами; здесь же валялись запыленные допотопные ядра, отломанные ножки столов, за которыми заседали мирные конференции, и огромный дедовский диван с воинственно торчащими во все стороны пружинами и пучками истлевшей мочалы.

Коридор этот назывался почему-то польским. В нем резвились, копаясь в ветоши, рахитичные лимитрофные дети. Временами они находили среди хлама какую-нибудь путную стреляющую вещичку и с радостным визгом увлакивали ее на свою жилплощадь.

Французские мамы и английские папы любовно следили за манипуляциями своих деток.

На всю входную дверь квартиры простирался огромный список жильцов:

Фамилия	Число звонков
Америна	1 длинный, деликатный.
Франция	2 коротких, 2 свистка.
Англия	1 удар в гонг.
Германия	Стучать.

Дальше список переходил в неразборчивое столпотворение каракуль всех цветов радуги, исправленных и снова перечеркнутых. Жильцы разводились, меняли фамилии, плодились.

Япония всегда приходила домой поздно, с подозрительными мешками за спиной. Она звонила во все звонки, бесцеремонно ударяла в английский гонг, нагло хлопала дверьми и громко топала деревянными подметками по гулкому коридору. Жильцы почему-то молчали. Ей все сходило с рук.

На антресолях жил Китай. К нему звонков не было. Все входило без стука и не снимали калош.

Однажды вечером на антресолях застучали молотки. Это Япония без разрешения домоуправления ставила перегородку в китайской комнате.

— Отхвати еще одно окно! — командовал генерал, — а то Пу И повернуться негде будет...

Хозяина, собственно говоря, в китайской комнате не было. Генералы были так увлечены взаимным скулодробительством, что заметили воздвигнутую перегородку только тогда, когда японец приколачивал уже вывеску:

**ВЕЛИКАЯ КИТАЙСКАЯ СТЕНА.
НЕЗАВИСИМОЕ МАНЧЖОУ-ГО.**
Китайцам, старьевщикам и посторонним вход строго воспрещается.
Пропуска — в японском генштабе.

КОМИССИЯ ЛИГИ НАЦИЙ В КИТАЕ

Б. Антоновский

— Послушайте, да вы тут в самом деле воюете!..

— Что вы, что вы?! Это нормальная подготовка торгового договора.

Генералы заскулили и побежали жаловаться ответственной с'емнице.

Америку они застали за обычным занятием. Она таскала в уборную мешки с кофе и пшеницей и, уныло дергая за ручку, топила их в ревущих потоках воды.

— Ну что я одна могу с этими хулиганами поделаться? — промямлила Америка. — Сосывайте общее собрание!

Лига наций собиралась на кухне. Первым, как всегда, явился пунктуальный Сфинхувуд с подбитым лапуасами глазом. За ним, звякая шпорами, проследовал заспанный поляк с волочащимися по полу маршалскими подтяжками.

Франция входила, пудрясь и бонкураясь находу. Немец явился в традиционных трусиках. Параллельно к нему отличался от спортивного только тем, что он аккуратно повязал на волосатой голый шею роскошный шелковый галстук. Остальной гардероб был давно вывезен фининспектором за неплатеж репараций.

Китайские правители пробирались в кухню на цыпочках. Но это не помогло. У японских дверей их сгрела в охапку властная рука и молниеносно втащила в комнату.

— Жаловаться вздумали, ябеды! — приговаривал японский генерал, затыкая им кляпом рты.

Били их долго. Общее собрание покорно ждало. Когда эта китайская церемония закончилась, японец заметно просветлел:

— Ну, вот, — сказал он ласково, — поговорили по душам, а теперь можно и на конференцию сходить...

Дольше всех ждали румынов. В их комнате не прекращалась ни на минуту антисоветская возня. Когда они вышли, наконец, в коридор, то предусмотрительно заперли двери на ключ: — За Бессарабией, за ней присмотр нужен, — объясняли они хихикавшему венгерцу, — чуть не доглядишь, сбежать может...

Кухня была уже переполнена сверх всякой меры. Белогвардейцы робко жались у дверей. Они занимали здесь, рядом с уборной, темную каморку для прислуги. Правом на площадь они не пользовались, за квартиру не платили, жили из милости. Но тем не менее они гордо покручивали усы и каждую весну лихорадочно пересыпали нафталином потускневшие мундиры.

Сессия открылась внеочередным заявлением:

— У меня иголку для примуса сперли! — негодовала какая-то прибалтийская домашняя хозяйка. — Три дня кашу заваривать не могу... А время сейчас весеннее, военное...

— Подумаешь, событие, — флегматично процедил австрияк. — Мне намерен в женевские котлеты наплевали, и то молчу...

Китайские генералы сопели и жалобно смотрели на окружающих. Приступили к рассмотрению их петиции.

— Да как вы смеете?! — негодовал японец. — Ведь Манчжурия совершенно независимое государство!

— От кого независимое? — робко спросили из-за печки...

— От кого независимое?! Ну, хотя бы от себя... Все равно независимое.

Жильцы долго мязались, пока не пришли к испытанному решению: выделить комиссию для обследования перегородки на месте.

Комиссия выбрала две подкомиссии: одна занялась шампанским, а другая шелками...

Все, кроме китайцев, почувствовали облегчение и перешли к текущим делам.

Говорили о здоровье Мемеля и Данцига.

— Я вечером в замочную скважину подсматривал, — совсем пластом лежали... — таинственно сообщал поляк. — А сегодня с утра опять, черти, по коридору шлепали...

— И не говорите! — сочувствовала балканская дамочка — Прямо невозможно стало добавочной жилплощади дожидаться...

Атмосфера сгушалась. Проголосовали предложение об открытии форточки. В конференц-кухне повеяло весной. В носы ударил аромат новых интриг, склок, потрясений. Пахло войной.

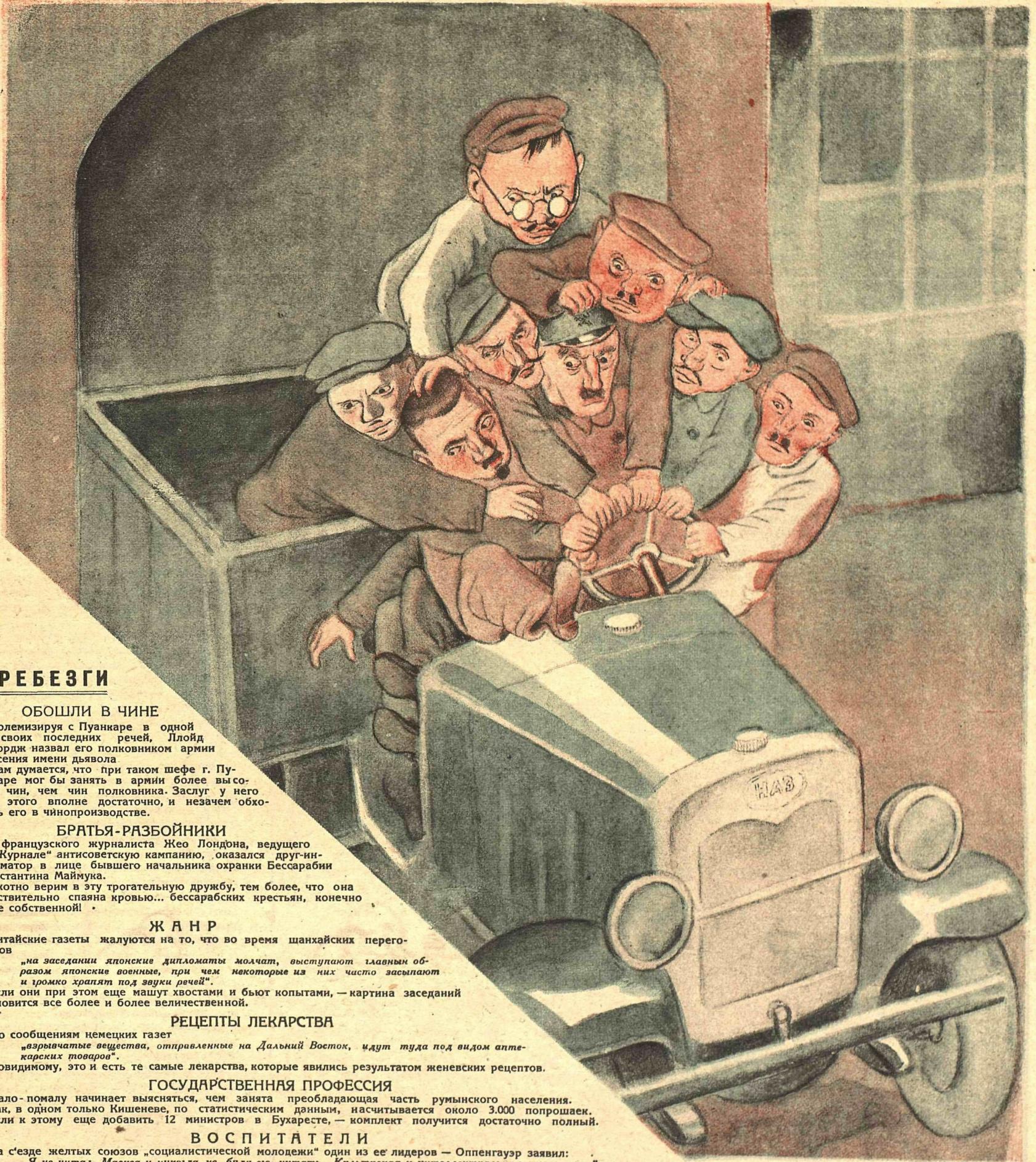
— Горим, карррраул! — неистово взвизнул вдруг кто-то в углу.

Жильцы, давя друг друга, кинулись к своим границам.

Притаившийся за посудным шкафом румын огляделся вокруг и, не спеша, очистил кухню дотла. Нагруженный пулеметами и баллонами, он неслышно, кошачьими шагами, прокрался к своей двери, проскользнул в комнату и молниеносно защелкнул замок.

Абрам.

Л. Гени

ДРЕБЕЗГИ

ОБОШЛИ В ЧИНЕ

Полемизируя с Пуанкаре в одной из своих последних речей, Ллойд Джордж назвал его полковником армии спасения имени дьявола.

Нам думается, что при таком шефе г. Пуанкаре мог бы занять в армии более высокий чин, чем чин полковника. Заслуг у него для этого вполне достаточно, и незачем обходить его в чиновпроизводстве.

БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ

У французского журналиста Жео Лондона, ведущего в „Журнале“ антисоветскую кампанию, оказался друг-информатор в лице бывшего начальника охраны Бессарабии Константина Маймука.

Охотно верим в эту трогательную дружбу, тем более, что она действительно спаяна кровью... бессарабских крестьян, конечно а не собственной!

ЖАНР

Китайские газеты жалуются на то, что во время шанхайских переговоров

„на заседании японские дипломаты молчат, выступают главным образом японские военные, при чем некоторые из них часто засыпают и громко храпят под звуки речей“.

Если они при этом еще машут хвостами и бьют копытами, — картина заседаний становится все более и более величественной.

РЕЦЕПТЫ ЛЕКАРСТВА

По сообщениям немецких газет

„взрывчатые вещества, отправленные на Дальний Восток, идут туда под видом аптекарских товаров“.

Повидимому, это и есть те самые лекарства, которые явились результатом женеvских рецептов.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОФЕССИЯ

Мало-помалу начинает выясняться, чем занята преобладающая часть румынского населения.

Так, в одном только Кишеневе, по статистическим данным, насчитывается около 3.000 попрошайек. Если к этому еще добавить 12 министров в Бухаресте, — комплект получится достаточно полный.

ВОСПИТАТЕЛИ

На съезде желтых союзов „социалистической молодежи“ один из ее лидеров — Оппенгауэр заявил:

„Я не читал Маркса и никогда не буду его читать. Культурная и интеллектуальная жизнь нашей молодежи должна идти не по Марксу, а по другому пути: развлечения, радио, граммофона и танцев“.

Преимущество такого воспитания в том, что после него молодежь действительно может пойти по любому пути... но только на четвереньках.

НАЗАД БЕЗ ОГЛЯДКИ

Буржуазные экономисты начинают проповедывать под влиянием кризиса возврат к ручному труду. Очень характерно выступление известного публициста Стюарта Чейза, высказывающегося

„против машинного хлебопечения и призывающего домашних хозяек самих печь хлеб“.

Идя дальше назад, недурно также надеть звериную шкуру и начать размахивать каменным топором. Особенно, если г. Чейз поблизости. А вдруг — подвернется?

— Странно! Работаем, кажется, рука об руку, а машина не идет как следует.

Оппортунисты всех мастей, очковтиратели, бюрократы, самоснабжалы, прогульщики, летуны, рвачи и т. д. и т. д. с глубоким прискорбием извещают о том, что

4 июня 1932 года

исполняется **X ЛЕТ** со дня выхода первого номера журнала „**КРОКОДИЛ**“

НАРКОМ

Извините за беспокойство!

ГРЕНА

ХОТЯ ГРЕНА — слово французское, но обозначает совершенно безопасные предметы. Это яички шелкопряда — основы производства шелка-сырца.

Нечего греха таить: при упоминании о шелке у нас обычно ассоциируется шелковый чулок.

Поверхностное, — за что извиняемся, — ознакомление с судьбой грены заставляет нас предполагать, что Наркомат легкой промышленности ассоциирует шелк и с другими предметами.

Как известно, шелкопрядильные фабрики этого Наркомата испытывают серьезную нужду в сырье, а в то же время первоисточник сырья — грена явно не в фаворе.

Заготовительные цены на грену, установленные в 1924 году, остались на сегодняшний день без изменений.

За это время вино, ближайший конкурент шелководству, значительно повысилось в цене.

Где же безобидной грене конкурировать с таким забиякой!

Мы не собираемся опорачивать доброе кахетинское, и не вина вина, что о нем больше, чем о грене, помнят, но у нас возникает вопрос: не объясняется ли данное явление субъективным подходом к оценке конкурентов?

Объективный же подход позволяет вспомнить значительную роль шелководства, хотя бы в авиации: парашюты, оболочку аэростатов и дирижаблей...

Видимо, сказывается поверхностное знакомство с судьбой грены... Наркомата легкой промышленности.

О своем мы оговорились ранее.

Ал. К.

ОЧЕНЬ старинная книга «Пиротехники искусство, или способ как общество увеселять» поясняет: «Фейерверк тогда пускается, когда гости скуке предались и хозяин в унынии пребывает, ибо за шумом фейерверочным и трескотней изрядной многие неприятности и огорчения забываются».

Это мудрое правило, — как вывести из уныния хозяев и развеселить заскучавших гостей трескотней и шумом, пришлось по душе в наши дни Нижегородскому крайЗУ.

Неприятностей и огорчений в прошлом году было изрядное количество. По подготовке к севу Нижкрай оказался на одном из последних мест. По уборке урожая он благополучно остался на тех же местах. Не пожелал крайЗУ менять насиженного местечка в последних рядах. Не хочется ему менять. И действительно, кругом и посевные кампании, и яровые, и озимые, и рожь, и пшеница, — сколько их всего, а крайЗУ один. Со всеми не управишься.

В 1932 году рисовалась такая же картина. Земля есть, колхозы есть, крайЗУ есть, — подготовка к посеву и уборке в том же плачевном состоянии. Тогда обеспокоенный крайЗУ решил созвать съезд всех руководителей районных организаций. Время для съезда было выбрано легко и мудро: самый разгар подготовки к посевной кампании, в феврале месяце.

Начался съезд, и тут-то и началось пускание фейерверков. Вместо хорошей головомойки тем, кто лихо посадил Нижкрай на последние места по посеву, началось такое бездонное славословие, что двух дней еле-еле хватило на одни приветствия.

Делегации приходили с кадиальным дымом в больших синих папках. Делегатов улаживали на банкетах. Делегатам пели славословия. Недоставало только одного соборного дьякона, каковой бы гласил: «Провалившим кампанию мно-о-огие ле-е-та...»

Ублажив районы и умаслив их нижегородским прованским маслом радостных резолюций, делегатов отправили по домам.

Обрадованные, они исчезли, утопая в сиянии голубого дня, для того, чтобы, вернувшись в районные земучреждения, отдать баском сквозь зевоту очередное распоряжение: «Валяй, ребята, дальше!.. Не перутомляйся! В Нижнем одобрили!»

И. Жабин.

ГДЕ ДЕЛАЕТСЯ ЛУНА?

ЗА 1931 год Союзмаслопром полностью выполнил план маслозаготовок, за что работники Союзмаслопрама достойны несомненного поощрения. Для этой цели был выделен солидный премиальный фонд.

По причинам, не поддающимся пока анализу, у правления Союзмаслопрама сложилось довольно своеобразное понятие о центре тяжести, определившем ход заготовок.

Подобно Поприщеву, герою из «Записок сумасшедшего», утверждавшему, что луна делается в Гамбурге, так и правленцы решили, что маслозаготовки «делаются» в Москве.

Премированными оказались исключительно работники центрального аппарата.

Премировали курьеров за особую резвость по доставке правленцам бутербродов с баклажанной икрой. Премировали уборщиц за идеальную чистоту чернильных приборов и своевременное наполнение их чернилами. Премировали стенографисток «за хорошее обслуживание заседаний и руководителей» и архивариуса за энергичную борьбу с крысами.

Отдельных работников, не отличившихся особыми талантами и рвением при исполнении служебных обязанностей, премировали за сугубо аккуратное посещение общих собраний.

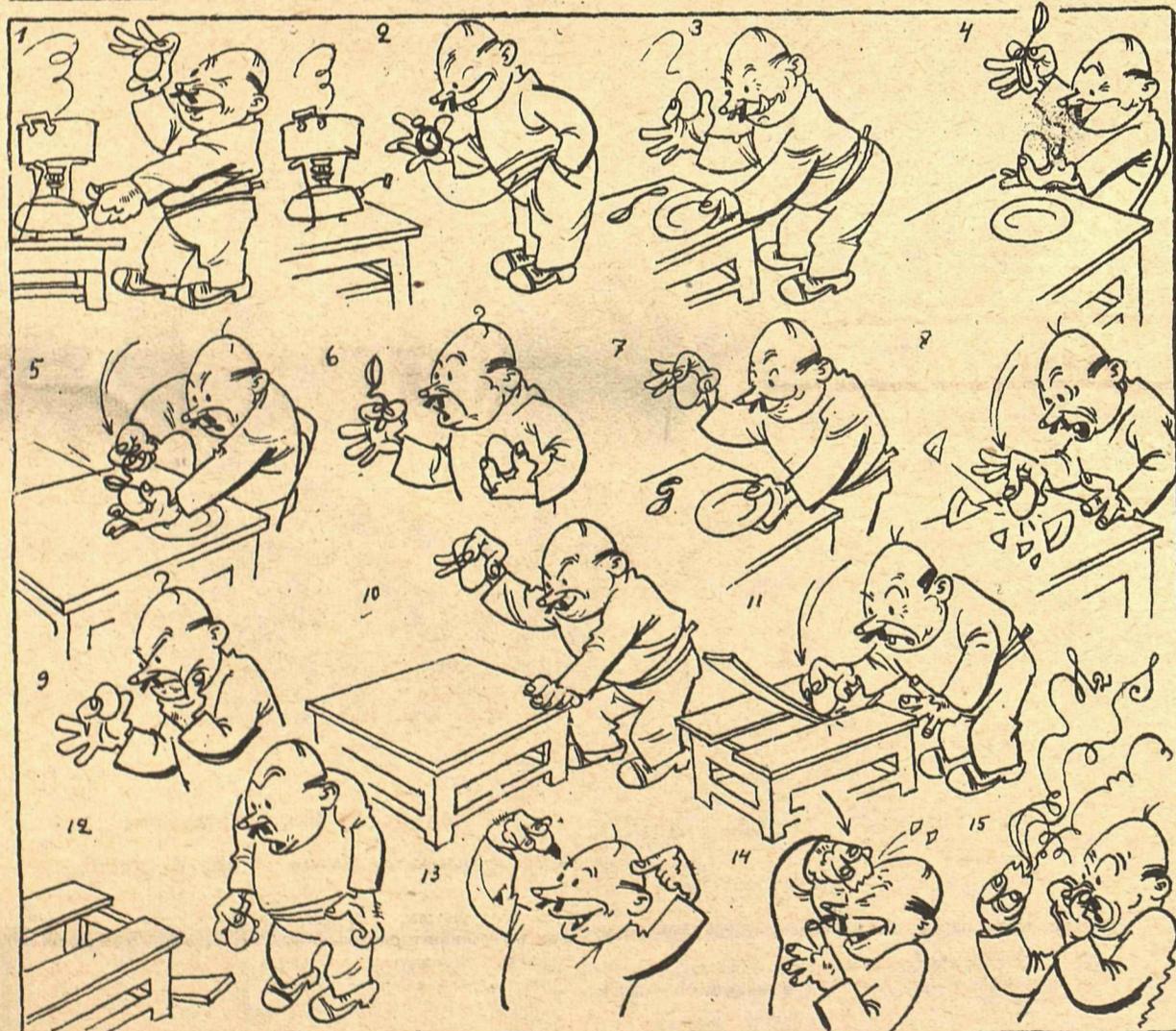
Таким образом, не совсем здоровое самомнение правления Союзмаслопрама, основанное на требующем проверки утверждении Поприщева, лишило премии работников периферии, непосредственно работавших на местах маслозаготовок.

Нам кажется, что правление Союзмаслопрама не совсем верно — в деле маслозаготовок — опирается на свое управление делами.

Ход маслозаготовок в 32-м году ясно говорит об этом!

Саян.

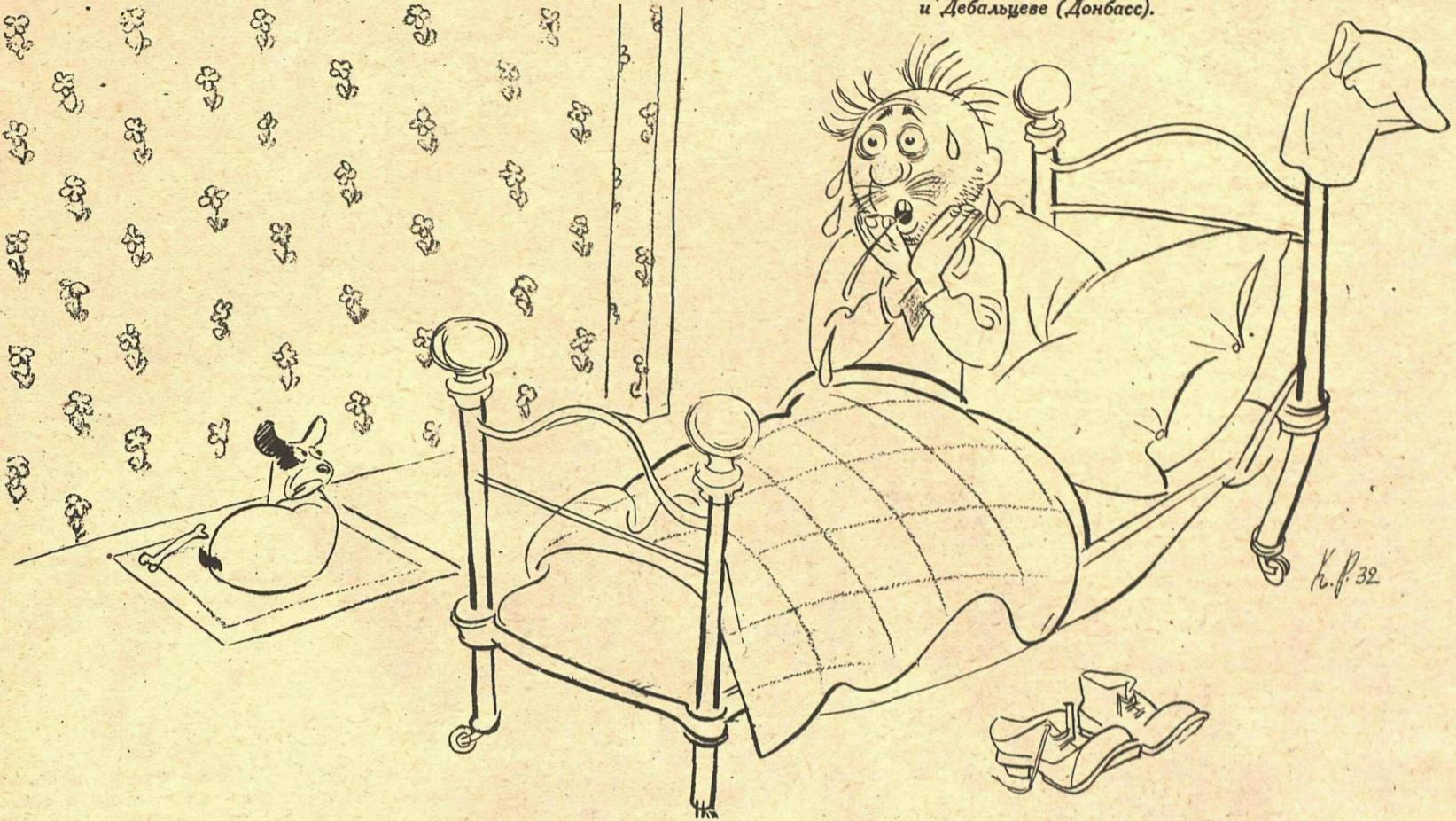
А. Баженов

Случай с сотрудником Птицетреста, забывшим о качестве продукции.

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!
ШЛИТЕ СРОЧНО МАТЕРИАЛ
ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНОГО
ЮБИЛЕЙНОГО НОМЕРА
„КРОКОДИЛА“
К ДЕСЯТИЛЕТИЮ.

Постановление ЦК о перестройке общественного питания до сих пор не выполнено работниками общественного питания на шахтах в Рутченкове и Дебальцево (Донбасс).

— Ф-фу-у! Сердце чуть не выскочило! Приснилось, что обед в своей столовой с'ел...

О БЕЗГРАМОТНОСТИ

У секретаря станковской ячейки «голова забита». О чем его ни спросишь, он первым делом бросается к «резолюциям». С их помощью он берет разрешение любое сомнение.

Тов. Алексею не «разрешают» обращаться к резолюциям, от него хотят получить ответ на месте и без резолюций. Отвечает он своему назначению как секретарь ячейки или без шпаргалки он не может слова вымолвить?

— Тов. Алексеев, когда была XVII всесоюзная партийная конференция?

— В резолюции прописано, а на память не знаю...

— Тов. Алексеев, а последняя районная партийная конференция когда была?

— В резолюции все сказано, дайте посмотреть. Не знает Алексеев и этого!

Тут же присутствует несколько колхозников, членов станковской ячейки. Создается неловкое положение: опозорен секретарь, руководитель ячейки...

— Ну как, товарищи, — обращается к ним приезжий товарищ, «экзаменовавший» только что секретаря, — как вам понравились ответы тов. Алексева? Верно, не хорошо так отвечать?

Товарищи не ожидали вопроса. Мнутя, топчутся и молчат.

— Не стесняйтесь. Самокритика — так самокритика. Здесь все свои, чего стесняться? Надо друг друга учить, поправлять, помогать друг другу.

Нет. Не в том дело. Члены ячейки хотят сказать другое. Они слышали ответы т. Алексева и не знают, что в них правильно и что неправильно... Сами не шибко грамотны.

Алексеев стерся. Беседа идет со всей группой, со всеми членами станковской ячейки.

Решено спуститься на несколько ступенек ниже в смысле требования политграмоты. Вопросы будут задаваться более легкие, чем Алексеву...

— Устав партии знаете?

— Нет.

— Программу?

— Нет, не видели.

— Как так? А вдруг программа такая, что вы с ней несогласны были бы, если б раньше прочли.

— Может быть...

От жуткой безграмотности товарищей становится как-то не по себе... С другой стороны, подумаешь: все они — батраки, бедняки, в прошлом красные партизаны, сейчас колхозники, люди

безусловно преданные партии и советской власти. Чудеса можно было бы творить с ними, если бы учить их, помогать им расти и развиваться.

Как не вспомнить лишний раз, что только валдайское махрово-правое руководство могло допустить такую степень политической безграмотности организации!

Вмешивается секретарь комсомольской ячейки.

— Надо прямо заявить, — говорит он, — знаний у нас нет. Напрасно трудятся товарищи, приехавшие из центра. Пустое занятие проверять нашу политграмоту.

Разгорается спор. Комсомольца убеждают, что есть вещи, которых нельзя не знать, не может быть, чтобы их не знали. Для этого не надо быть членом партии или комсомольцем.

Что такое советская власть, — все должны знать, и все знают. Что такое Красная армия, — опять все безусловно знают. Это не «политграмота», это азбука, это «меньше», чем азбука. Не правда ли?

Комсомолец сдаётся.

— Ну да, такие вещи всякий знает... — соглашается он.

Со скамьи поднимается маленький человечек с хитренькими глазенками и с огромной папахой, надвинутой чуть ли не на самый нос. Встает, подходит к секретарю комсомольской ячейки и, лукаво глядя ему в глаза:

— А теперь скажи-ка, парень, кто такой Ленин. Это весь народ знает, даже буржуазия...

Комсомолец машет рукой.

— Или, иди.

— Нет, не иди, а скажи. Иди — это после, а сейчас раз'ясни, чтобы всем было ясно.

— Ну и раз'ясню! Чего не раз'ясню! Ленина... это наш главный... сказать... управитель.

— А какую должность занимал? — не унимается папаха, — и что делал?

— Что делал? — повторяет комсомолец с явной целью выгадать во времени. — Что делал? Известно, что делал... Председатель Центрального исполнительного съезда советов... Потом умер.

— В каком году?

Комсомолец долго думает и, наконец, сознается:

— Насчет автобиографии я слаб... Забыл.

Нет, не Станки характеризуют состояние партийного просвещения в Валдайском районе. Есть худшие ячейки. Хотя там знают, когда была XVII

партийная конференция, знают, кто такой тов. Куйбышев, знают, что гласит устав партии.

— Тов. Зайцев, скажите, можно ли применить шесть условий тов. Сталина в наших совхозах?

— Еще бы!

— Значит, применимы все шесть условий?

— Конечно, что за вопрос!

— Перечислите в таком случае эти шесть условий.

Зайцев мнется и краснеет. Он не может назвать ни одного условия.

— Не могу...

Зайцев — председатель районного совета профессиональных союзов. Зайцев — тот кто должен первый возглавить борьбу за внедрение 6 условий тов. Сталина!

Кто опаснее сегодня как тип партийца: тот, кто не зная устава партии, честно заявляет об этом и просит, чтобы его учили, или тот, кто, ни черта не зная, не хочет ничего знать и нагло втирает очки окружающим?

У заведующего Валдайским техникумом спрашивают, как выполнен план хлебозаготовок по району?

— Простите, — говорит он, — не знаю...

— Почему не знаете?

— Он зав. техникумом, — подсказывают с разных сторон, давая этим понять, что вопрос о хлебозаготовках задан не по адресу...

Члены партии не понимают, что зав. техникумом прежде всего — член партии и ответственный партработник, а раз так, он не может не знать, он не может не интересоваться хозяйственной и политической жизнью района.

На одних логарифмах далеко не уедешь, если будешь оторван от жизни.

Валдайский гнойник потому так долго оставался нескрытым, что одни члены партии занимались очковтирательством, другие проводили «зигзагообразную» кулацкую политику на практике, третьи считали, что их дело — логарифмы.

Нет худшего зла, чем непонимание своей политической безграмотности. Нет ничего легче учиться грамоте, когда понимаешь до конца, как она недостает тебе.

А. Аграновский.

РАБОЧИЕ ИЗ ТОЛПЫ (с.-демократу): — Эй ты, болтун, лучше скажи, кто это стоит за твоей спиной?!

I
 Любовь. Весна. Он и она.
 Блещат пруды от лунных пятен.
 Мила любовь. Мила весна.
 И лунный свет весьма приятен.

Луна, она для всех нужна.
 Пусть ночь темна, — совсем не плохо,
 Когда плывет сверху луна
 Такой прекрасною Солохой.

И пусть ворчат иной поэт,
 Глядя на лунный свет арктически.
 Луна — практический предмет,
 Любовь — предмет биологический.

Не признающий трав и лун
 И соловья не признающий,
 Такой поэт, наверно, лгун
 Или деляга вездесущий.

Такой поэт всегда готов
 Орать в стихах уныло длинных,
 Что он смертельный враг цветов
 И беззаветный друг машины.

Его слова черствее пуха,
 И стих не светит и не греет.

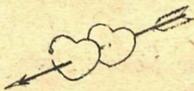
Поэтические смуты

Стихи Павла Дружинина

Он ненавидит белый тюль
 И презирает канареек.

К чему ж, друзья, такая прыть?
 Понять нельзя ли все иначе?
 Поэт весьма не прочь пожить
 Весной в Крыму или на даче.

Ему не чужды там и тут
 Любви-проказницы утех,
 Зачем он рядится, как шут,
 В парадно-постные доспехи?

Зачем ругать ему герань
 И волноваться непростительно, —
 Герань, она, конечно, — дрянь,
 Но все ж она — растительность...

Пускай и травка и цветы
 Живут на доброе здоровье,
 Они ж — предметы красоты
 И пища все-таки... коровья.

II

Скажу еще: мой близкий друг —
 Поэт совсем другого рода.

Рисунки М. Храпковского

Его заел гусиный луг
 И деревенская природа.

Он чтит телегу и луну,
 Проселки, лес и косогоры
 И точит бешено сяноу
 На камешко-железный город.

Он любит кур и петухов,
 Над лонухом от счастья плачет.
 Он тиснул пять томов стихов
 Лишь об одних хвостах телячьих!

Воспел он печь и все горшки,
 Онучи, лапти, мык коровий,
 Он также написал стишки
 О свекле, брюкве и моркови...

Завод ему — смертельный враг,
 Клоакой кажется Тверская,
 Не нравятся ему никак
 Жизнь и повадка городская.

Толпа и шум, бензина вонь...
 Тут задохнешься без привычки!

Вот то ли дело Пошехонь,
 Вот то ли — чортовы кулички!

Косится парень на авто,
 Он рад сосать медвежью лапу...
 Но... одевается в пальто
 И носит фетровую шляпу.

Большой поклонник сельских мест,
 Живет в столице, на Петровке,
 И, разумеется, не ест
 Мужичкой тюрки и мурдовки...

Так беспрестанно много лет,
 Самим себе противореча,
 Как тот, так и другой поэт
 Самих себя стихами лечат...

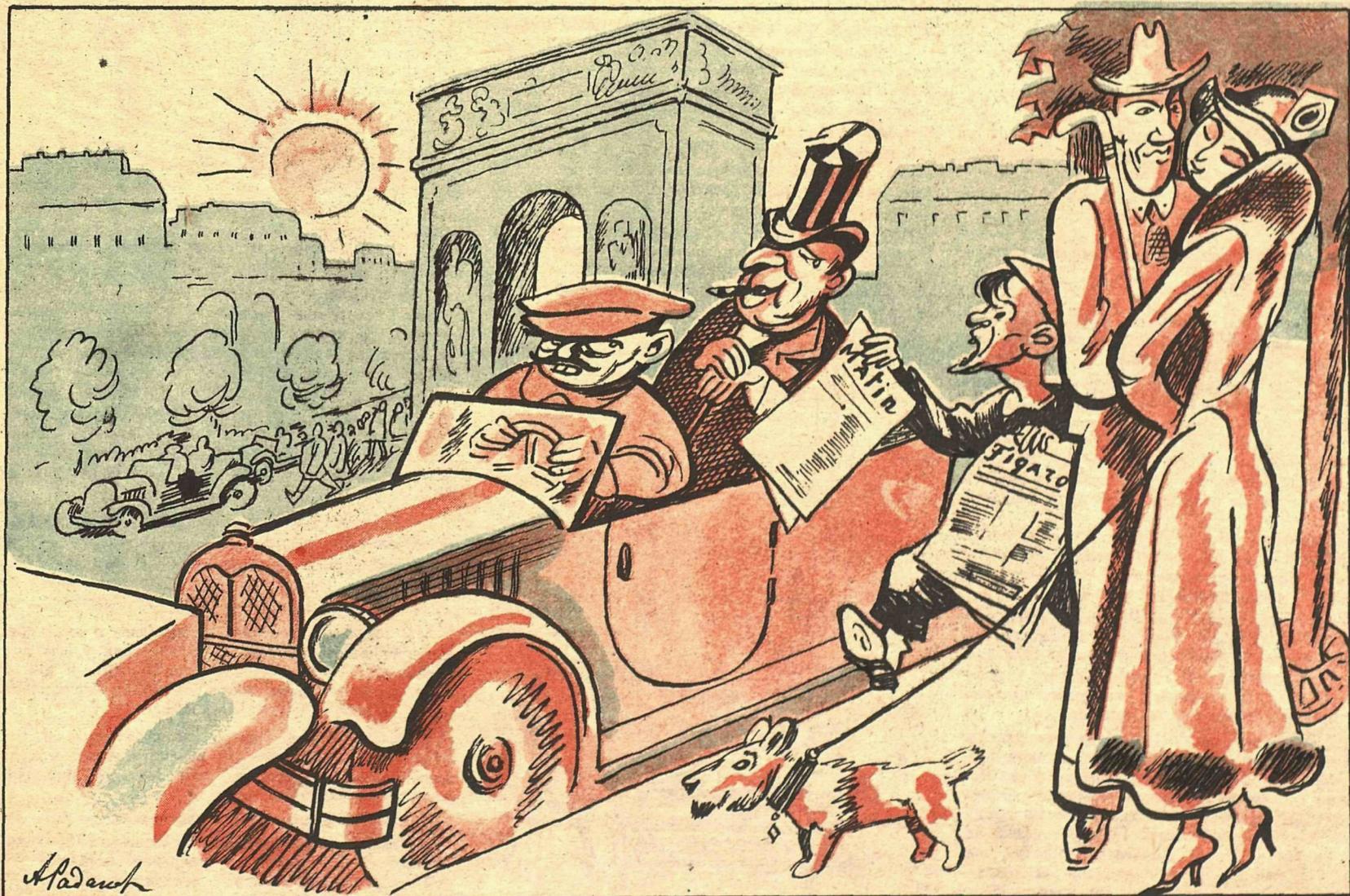
Ведя словесную войну,
 Они друг другу чешут спину,
 Эксплуатируя луну
 И быстроходную машину...

И вот поди и разберись
 В таких загадочных предметах...
 Совсем особенная жизнь,
 У этих чудаков-поэтов.

Павел Дружинин.

ОПТОВАЯ ЗАКУПКА

А. Радаков

— „Тан“, „Матен“, „Фигаро“! Купите газету, господин!
 — Благодарю, я уже купил их редакторов!

ОБ ЭСТЕТАХ-СВИНОВОДАХ, БЕШЕНЫХ КРОЛИКАХ И ГОРНЫХ УТКАХ

Фельетон Бен-Гали

Рисунки К. Ротова

ЗНАМЕНИТОМУ юмористу Марку Твэну пришлось однажды экспромтом редактировать сельскохозяйственный журнал. Отсутствие сельскохозяйственных знаний талантливый юморист заменил фантазией и смелостью.

Он писал в своем журнале, что коров следует кормить малиной, от которой они приходят в жизнерадостное настроение и полнеют; что гуси мечут икру в июне; он рекомендовал снимать капушту с деревьев не осенью, а весной; он советовал делать овцам парикмахерскую завивку шерсти для того, чтобы бараны прониклись к ним большей симпатией и тем способствовали размножению овечьего рода.

Сельскохозяйственная карьера юмориста была прервана срочным возвращением редактора, который, обзаведя своего зама кретином и ослом, выгнал его из редакции.

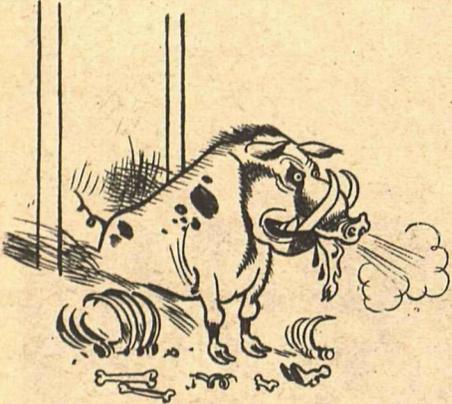
Хотя сочинения Марка Твэна в этой области и не переизданы почему-то Сельхозгизом, но тем не менее некоторые наши хозяйственники перепелели их в роскошный переплет, сделали своим настольным календарем и руководятся ими в практике.

Не верите? Попробуем доказать это фактами.

Возьмем хотя бы свиноводство.

Нет никакого сомнения, что свинья — животное в высшей степени полезное в народном хозяйстве. От свиньи при разумном подходе можно использовать все, за исключением, пожалуй, только визга.

За эти качества свинью можно и должно уважать. Но, понятно, не до такой же степени, чтобы приравнять ее к произведению искусства, требующему соответствующего эстетического оформления.

— ... Оле! Из этих свиней выйдет порода агдамских иоркширов...

А вот, подите же, свиноводы Крымсоюза, очевидно посевшие на изучении марк-твэновской энциклопедии сельского хозяйства, думают иначе.

В припаде свиноводческого эстетизма крымские кооператоры выстроили свинарник в стиле древнегреческого храма — своего рода свиноводческий Парфенон. На крыше этого планетарного свинарника впавшие в свиноводческий восторг кооператоры водрузили нечто вроде классической квадриги, красующейся на фронте Большого театра в Москве.

Мы, собственно, не против того, чтобы Аполлон играл на лире свиньям. Пусть играет. Но не за наш счет, ибо сооружение этой свиноводческой академии обошлось в 450.000 рублей.

Зампред Центросоюза тов. Радченко, проходя в Ленинграде по бывшему Невскому проспекту, неожиданно учуял острый свиной запах. Ориентируясь на этот запах, тов. Радченко нашел в центре второй красной столицы свинарник, который вскоре, понятно, пришлось уничтожить.

В Уфе столь же восторженные эстеты ухитрились загнать стадо поросят в одно из лучших зданий в городе — бывший дом губернатора. При всех своих скверных качествах бывший губернатор обладал и тем недостатком, что не предусмотрел такой возможности. Губернаторская несомнительность дорого обошлась уфимским свиноводам, так как поросята, недооценивши пышности и обширности отведенных им апартаментов, зимой перемерзли и передохли.

Животноводы бакинского ЦРК послали для закупки свиней в район несомненного питомца марк-твэновского сельскохозяйственного журнала. Пи-

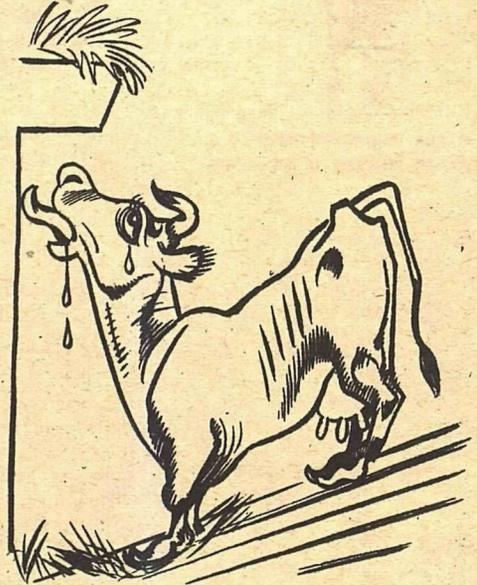
Однако кролики пили, ели, щипали травку, но упорно отказывались размножаться. Больше того, спустя несколько месяцев кролики неожиданно впали в бешенство, начали грызть друг друга и организовано подошли.

Приехавший из центра для расследования этой, неизвестной науке кроличьей эпизоотии ветеринар установил, что уфимские кролиководы закупили за границей... одних самцов.

Бестолково и сумбурно ухитряются иногда марк-твэновские питомцы строить птицеводческие хозяйства. В Батуме, например, решили разводить гусей и уток на горах, где никогда не было ни капли воды. В некоторых птицеводческих совхозах для получения яиц набивали совхозы малонаскими породами мясной птицы и наоборот.

Охрана Союзпромкорма не подпускала к скирдам с кормом представителей животноводческих совхозов на том основании, что совхозы должны Союзпромкорму деньги. Скот подыхал, а фураж гнил в поле.

Головатяпы из другой области проявляют иногда дикую фантастику в строительстве свинарников и коровников. Если одни стойла похожи на ганг-классы, то в других помещается только зад коровы. Полы расположены так, что этот зад к тому же помещается выше головы. Кормушки приделаны на такой высоте, что не только корова, но даже жираф не был бы в состоянии достать их.

...Зад коровы выше головы...

При всем том стоимость строительства обходилась некоторым хозяйствам в 32 рубля кубометр, в то время как стоимость жилищного строительства в тот же период обходилась в 22 рубля кубометр.

Подсчеты строительства тоже иногда фантастичны и взяты с потолка. Южноуральский лесной трест, например, требует за постройку силосной башни 1.040 рублей. В то же время его colega — Северный лесной трест — голосит на весь СССР:

— Дешевле 3.500 за силос взять не могу! Себе дороже обходится.

И, конечно, при особом старании он вгонит. Он такой!

Мы создаем и создадим крупнейшее в мире животноводческое хозяйство. За два года у нас организовано 1.480 совхозов с поголовьем в два с половиной миллиона голов крупного скота, 860 тысяч свиней и 4,7 миллиона овец.

Отдельные головотяпы, самоснабженцы и оппортунисты, притянутые к ответу партией и правительством, растерянно ссылаются на любимую отговорку оппортунистов:

— «Объективные обстоятельства».

Древнегреческие свинарники, бешеные кролики, горные сухопутные утки, жареные поросята — это что, тоже объективные обстоятельства?

Или животноводческое хозяйство по Марку Твэну?

Бен-Гали.

томец обнаружил в дебрях Агдамского района партию свирепых и неукротимых хабанов.

— Оле! — взревел питомец, заглушая хрюканье, — да из этих свиней выйдет новая порода агдамских иоркширов. Это — находка!

Агдамских иоркширов загнали в свинарники, и через несколько дней агдамские свиньи, оказавшиеся откровенными дикими кабанями, разнесли в клочья и поели мирных домашних свиней.

Свиноводческие разявы в Магнитогорске в рассуждении, куда бы приспособить поросят, ухитрились поместить их в ямы с известью.

— Тюп, тюп, тюп, — подсюсюкивали магнитогорские свиноводы, поглядывая, как поросята барахтаются в извести.

— Вот блестящая идея: тепло, мягко и подтирать не надо!

И радовались до тех пор, пока не пошел дождь, и поросята ни изжарились в горячей извести. С таким же успехом можно было бы поместить поросят в домне.

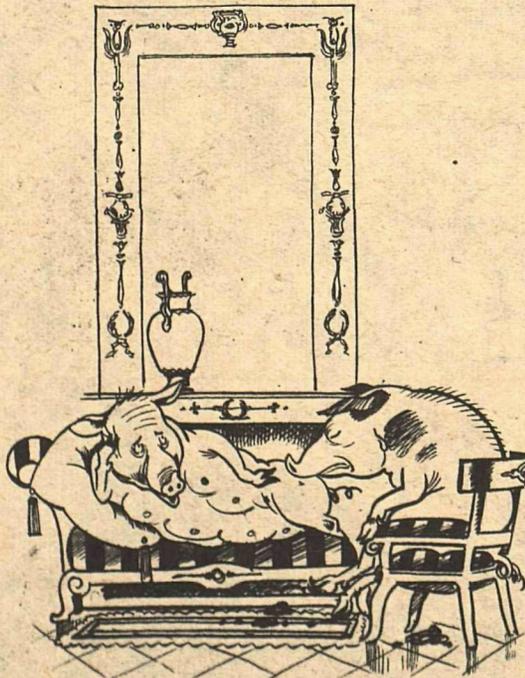
Столь же капризна, извилиста и непонятна история кролиководства, также имевшая в свое время горячих марк-твэновских энтузиастов.

О деятельности этих энтузиастов один из ответственных руководителей Центросоюза сказал:

— Головатяпство и безобразие! Кролик у нас съедает больше свиньи, а весит меньше крысы. Иллюстрацией к тому, во что можно обратить здоровую идею, служит происшествие в белокемском ЦРК.

Представители этого ЦРК, решив в ударном порядке разводить кроликов на вверенном им участке, закупили через Центросоюз три тысячи дорогих импортных кроликов.

Кроликов загнали в специальные загонки на отгороженной территории, приставили к ним персонал и начали ждать бурного, возрастающего (теоретически) в геометрической прогрессии потомства.

...Поросята недооценили пышности апартаментов...

ЧЕТЫРЕ СВИДАНИЯ

МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ

ПУТЬ ИЗ ВИННИЦЫ в Ленинград лежит через Витебск. Но Иосиф Евгеньевич Ауэ всегда, то есть один раз в четыре года, ездил в Ленинград через Москву. Этот путь был дольше, мучительней и дороже. Однако не захватить в Москву товарищ Ауэ не мог. Там были друзья и любимая женщина.

— Когда-то и я был Ромео, — говорил Иосиф Евгеньевич. — Когда-то и у меня была Джульетта. Теперь Протопопуло. Все было. Она стояла на балконе. Я стоял под балконом. На мне были диагональные брюки. Ах, вся моя молодость прошла в Москве!

Теперь понятно, почему Ауэ ездил в Ленинград кружным путем.

— Как же мне не посмотреть на нее на нашу дорогую матушку Москву. А друзья! Иван Сундукевич, монстр, грубиян, но замечательный человек! Имею я право раз в четыре года бросить взгляд на Ваньку Сундукевича? Имею я право перекинуться двумя-тремя словами с Левиафьяном? Это мой друг, доктор Левиафьян, болезни уха, горла и носа. Мы тащ его и звали в институте — Ухогорлонос. Потом есть у меня еще два дружка, два брата — Савич и Авич. Могу я их обнять на правах старой дружбы?

И вот на регулярный конгресс работников по культуре бобовых растений Иосиф Евгеньевич Ауэ ехал через Москву.

Времени было очень мало, от поезда до поезда — четыре часа. За этот короткий срок надо было повидаться со всеми: и с Джульеттой Протопопуло и с друзьями детства мужского пола. Кроме того, хотелось посмотреть и самую Москву.

План, по которому Ауэ действовал каждое четырехлетие, был прост, удобен и проверен на опыте. Другьям посылались открытки («дорогой», «дорогая»), где Иосиф Евгеньевич назначал свидания в излюбленных местах («были когда-то и мы москвичами») и строго требовал пунктуальности («будем американцами!»).

И его никогда не обманывали. Все любили своего трогательного провинциального друга. Даже грубиян Сундукевич не обманывал. Он бросал все дела и бежал куда-нибудь к памятнику Гоголя или к часам на Садовой-Каретной, где знатоку бобовых приходило в голову назначить очередную встречу. О Джульетте же и говорить нечего. Уже за день до приезда Ромео она сидела в парикмахерской, где ей железными приборами завинчивали локоны.

Все празднично шумело на Иосифе Евгеньевиче, когда он вышел на вокзальную площадь Москвы. Шумел резиновый плащ, шумел люстриновый пиджак (откуда только берутся на пожилых научных работников эти люстриновые пиджаки?).

Открытки были посланы давно. Места встреч были точно обозначены. Время было распределено самым идеальным образом.

Ауэ прибыл на Красную площадь минута в минуту. Здесь, у памятника Минину и Пожарскому, его должен был поджидать специалист по уху, горлу и носу, нежный доктор Левиафьян.

Новая, слегка выпуклая гранитная мостовая площади очень понравилась товарищу Ауэ. Не надо было смотреть под ноги, спотыкаться о проклятый булыжник. Можно было двигаться, гордо задрать голову. И, гордо задрать голову, Иосиф Евгеньевич двинулся вперед и тут же увидел, что место свидания исчезло.

Исчез памятник Минина и Пожарского, который воздвигла им благодарная Россия. Ауэ повертелся. Да. Место было совершенно гладкое, как и вся площадь, — ровные диабазовые кубики.

Постоять на месте памятника и поразмыслить, что же произошло, не представлялось возможным, потому что по мостовой с шорохом пробегали грузовики.

На расспросы прохожих о судьбе гражданина Минина и князя Пожарского ушло порядочно времени. Наконец выяснилось, что монумент находится в полной исправности, но стоит сейчас в ограде Василия Блаженного. Оказалось, что Россия благодарна по-прежнему, но памятник перетащила подальше с дороги.

— Чтоб не мешал заниматься! — сказал прохожий.

Когда Ауэ прибыл к подножию гражданина и князя, которые,

кстати сказать, указывали своими зелеными ручищами уже не на Кремль, а на далекий магазин Мостропа по Тверской, то доброго Ухогорлоноса уже не было. Конечно, он не дождался и побежал к своим больным вырезать им полипы в носях.

Горевать было некогда. Нужно было спешить к Иверской, на свидание с Ваней Сундукевичем. Ауэ двинулся стрелковым маршем. Сундукевич человек занятой и долго ждать не будет.

Три обстоятельства поразили Иосифа Евгеньевича, когда он прибыл на randevu, при чем все эти три обстоятельства вытекали одно из другого, а равно и вливались одно в другое, создавая таким образом какой-то порочный круг.

Сундукевича не было.

Очевидно, его не было потому, что не было никакой Иверской и поджидать ему было негде.

А Иверской не могло быть по той причине, что раньше она была прислонена к воротам, а ворот-то и не существовало. Их снесли.

Ничего не было. Был широкий проезд, по которому двигались колонны пешеходов и опять-таки зловредные грузовики. Были и гранитные кубики, только на этот раз выложенные дугами.

— Клейнпфлястер, — объяснил прохожий, — усовершенствованная мостовая.

Про Иверскую Ауэ даже не спросил. Стало совестно.

Некоторое время он мыкался в толпе, крича: «Сундукевич, Сундукевич!», потом, взглянув на часы и ахнув, заторопился в Охотный ряд, где в левом углу, у магазина старинной советской фирмы «Пух и перо» так приятно будет увидиться с двумя друзьями, братьями — т.г. Савичем и Авичем.

Здесь было уже чорт знает что!

Во-первых, — асфальт, во-вторых, — молодые деревья, в-третьих, справа — грандиозная постройка и в-четвертых, слева — полное отсутствие того самого угла, где у магазина «Пух и перо» должны были, взявшись за ручки, поджидать Ауэ два брата — Авич и Савич.

Вполне возможно даже, что аккуратные братья ждали его там, но проникнуть к ним было невозможно. Угол был обшит высоким забором, на котором имелись надписи: «Постройка метрополитена», «Вход посторонним лицам воспрещается» и «Предъявляй пропуск, не ожидая требования».

Оставалась любимая женщина — Джульетта Протопопуло. Свидание предполагалось на Лубянской площади, у фонтана, где бронзовые бамбино держат в пухлых ручонках виноградные гроздья.

— Посмотрим, посмотрим, — шептал Ауэ, с трудом подымаясь по Театральному проезду, — может быть, уже и площади нету.

Нет! Площадь была (новая диабазовая мостовая).

Но фонтана не было.

Через то место, где он стоял, проходили трамваи, стуча на пересечении путей. И там, где должна была стоять трепетная Джульетта с подвинченными локонами, стоял милиционер.

Помимо всего этого, по площади ходить воспрещалось во избежание несчастных случаев.

Где-то по городу, может быть, даже совсем близко, в десяти шагах, бродили друзья и любимая женщина, и все они были недосыгаемы.

А во всем был виноват Ауэ. Любопытный, хороший Ауэ. Он думал, что знает Москву, но он знал не ту Москву.

Что же будет через четыре года, когда Иосиф Евгеньевич Ауэ снова устремится на конгресс работников по культуре бобовых растений?

Ф. Толстовский.

Маленькое добавление: Когда автор настоящего труда явился в редакцию «Крокодила», чтобы сдать рукопись, сотрудники стояли в шляпах, а курьеры, кряхтя, уносили столы на тумбах, пишущие машинки и прочую утварь.

— Идем отсюда скорее, — сказал редактор, — наш дом сносят. Здесь будет гостиница Моссовета на 1.000 номеров.

И, действительно, дом уже обносили забором.

Ф. Т.

М. Храпковский

ГОМЭЦ снимает с учебы цирковую молодежь и посылает ее на работу, не давая доучиться.

— Этот ученик уже умеет стоять на одной ноге, — завтра же пошлем его в провинциальное турне.

ВИЛЫ В БОК

Легкие вопросы из «Викторины». Сколько в Москве Народных коммиссаров труда?

Ответ: один.

В каком комиссариате он работает?

Ответ: в Народном комиссариате труда.

Сколько Народных комиссариатов труда в Москве?

Ответ: один.

Читатели могут в эту игру не вмешиваться. Печатаем ее исключительно из сочувствия к главному почтамту, который письмо, адресованное в «Москву, Народному Комиссариату труда», отослал на ст. Добруш с наклейкой:

«Обратно для указания точного адреса».

Если в Москву придет письмо, адресованное в Парк культуры и отдыха, почта, надо полагать, даст коротенькую справку:

«Выбыл в неизвестном направлении. Адреса не оставил».

★

Способ излечения сложного организма пишущей машинки системы «Ундервуд» при помощи курортного воздуха не следует скрывать от широких слоев населения:

«Когда рудник северных приисков треста «Востокзолото» попросил Москву о высылке ему двух пишущих машинок, последние через девять месяцев вместо рудника оказались... на Боровом курорте».

До сих пор правила попадания на курорт вместо производства были свойственны только отдельным «ловчицам». Теперь, повидимому, к этому приспособились и пишущие машинки.

До чего же шагнула техника!

А. Топиков

— Ну, план мы набросали, теперь давайте распределять!..

Н. Радлов

ДРАМА НА КОЛЕСАХ

Никто, конечно, не может требовать от старшего кондуктора тонкого, тщательного нюха. Но не заметить отсутствия целого актерского ансамбля можно только при очень критическом отношении к сценическому искусству.

«Близ станции Кунгур от поезда отцепился и застрял в пути вагон с труппой, ехавшей в Магнитогорск. Старший кондуктор на станции отрапортовал о благополучном прибытии.»

После такого станционного спектакля на вызовы... в РКИ придется выходить уже не актерам, а транспортникам.

ВЕРНЫЙ ВЫИГРЫШ

Председатель комиссии содействия госзаймам на заводе им. А. Марти, в Николаеве, Мочульская здорово застряла с работой по распространению «3-го решающего»: многие рабочие подпиской еще не охвачены, а тираж уже на носу. Мочульская нашла выход: предложила сберкассе принять меры, чтобы отсрочить тираж до февраля.

Пожалуй, и заем и подписчики только выиграют, если Мочульская выйдет в тираж.

РАЗВЕСИСТЫЕ ГРИБЫ

Грибная секция Плодоовощного научного института Наркомснаба разослала по райпо анкету, в которой институт просит ответить:

«Какие грибы растут на деревьях и кустарниках в большом или малом количестве?»

Смешной с вашей стороны, тов. грибоведы, вопрос!

Да разве ж на деревьях грибы растут? Вы же с клюквой спутали! С развесистой...

НЕОБХОДИМ ВЫЗОВ

На Свердловском целлюлозном заводе, в общежитии милиции в стенах сплошные щели, в них дует ветер, стены не оклеены, стекла в рамках разбиты, в общежитии целые полчища клопов. В доме нет ни одной кладовой, под кладовую занята уборная, а вторая уборная завалена, хозотдел ее не чистит.

Безвыходное положение у милиции: хоть милицию вызывай!

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ АНОМАЛИЯ

Вагоны-порожняк прибыли на Уссурийскую железную дорогу с сюрпризами. Газета «Клич ударника» общается.

На ст. Камень-Рыболов прибыл с Октябрьской дороги под погрузку вагон № 142897, в котором оказалось 28 бочек сливочного масла. На ст. Хороль в порожнем составе обнаружили вагон № 129068 с колбасными изделиями, прибывшими тоже из центра.

Неправильное размещение грузов налицо. Вагоны-порожняк оказываются груженными, а ведающие их осмотром и отправкой административные головы, обязанные иметь некоторый багаж, оказываются пустыми.

ПРИ ЧЕМ ЗДЕСЬ РАТНЕР?

Заводуправление московского завода им. Лепсе «поощряет» изобретательство.

В приказе по заводу дирекция объявляет благодарность и назначает премию в 350 рублей пом. завпроизводством Ратнеру — за изобретение, сделанное... инженером Курдюковым. Ратнер самолично справкой удостоверяет, что конструкция унифицированного мотора принадлежит Курдюкову.

Курдюков изобрел, Курдюков составил чертежи, Курдюков сконструировал.

— А Ратнер при чем?

— При деньгах!

ДЕШЕВАЯ ЦЕНА

На станции Свердловск административная мысль играет весело и неожиданно.

Там

«станционные администраторы» задумали вселить сберкассу в помещение со входом через перрон. Это заставило посетителей сберкассы покупать перонные билеты за 20 коп.»

Если при этом посетители еще могли посмотреть на тех, кто издал такое распоряжение, — двугривенный не дорого. За это и рубль заплатить не жалко!

СТРАУСЫ НОВОЙ ПОРОДЫ

Страусы, как известно, водятся в Африке и в зоопарках. Кроме красивых перьев, они имеют еще милую привычку: увидев врага, «скрываются» от него, пряча голову под крыло.

Теперь «страусовая» география несколько изменилась.

«Крокодил» рассылает по стенгазетам предприятий, учреждений, совхозов и др. странички «Крокодил у нас». Воспелые и прославленные страничками «герои» — эти новооткрытые страусы — вспоминают малые и наивные привычки своих сородичей: перехватывают письма «Крокодила», идущие в адреса стенгазет, и прячут их под сукно. И наивно торжествуют: их не видно.

Но «зоркий враг» видит важных

птиц: и нач. Самаркандского исправдома Рогова, и секретаря ячейки Зайцева, из 17-го стройтреста в Уфе, и секретаря Альшанского, из «Плодосушки» в Умани, и Чернова, директора Ильнецкого сиротского дома, и Бондаренко, завхоза 3-го всеукраинского дома отдыха в Якутино, и, наконец, десятника Козлова, с опытного участка Военно-строит. управления в Москве.

Не будем отнимать у страусов наивности, но предупредить должны: знайте, что за это пообщируют ваши перья, и уже не спасут ни собственные крылья, ни теплые крылышки начальства, ни тетенькиным хвостики.

Не пришлось бы вам, вопреки страусиному обыкновению, «лететь»?

— А вы торгуете на бойком месте...

— Да, ежедневно тысячи людей проходят МИМО моего магазина.

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Адрес редакции: Москва, Тверская, 8. Прием ежедневно с 1 до 5 час., кроме 6, 12, 18, 24, 30 числа каждого месяца. Подписки, цена на журн. „КРОКОДИЛ“ — 60 к. в месяц. Подписка принимается только ПОЧТОЙ до сроков, установленных местными почт. отделами.

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, М. Мануальский, Л. Митинский.

Зав. редакцией: И. Абрамский.

Ответственный редактор М. Мануальский

Москва, Изд. № 388.

Сдача текста и рисунков — 11/IV.

Подпись к печати — 16/IV

Статформат А9 — 220×333. Печатных листов 2. Количество знаков 65.000

Уполномоченный Главлита № В — 19182

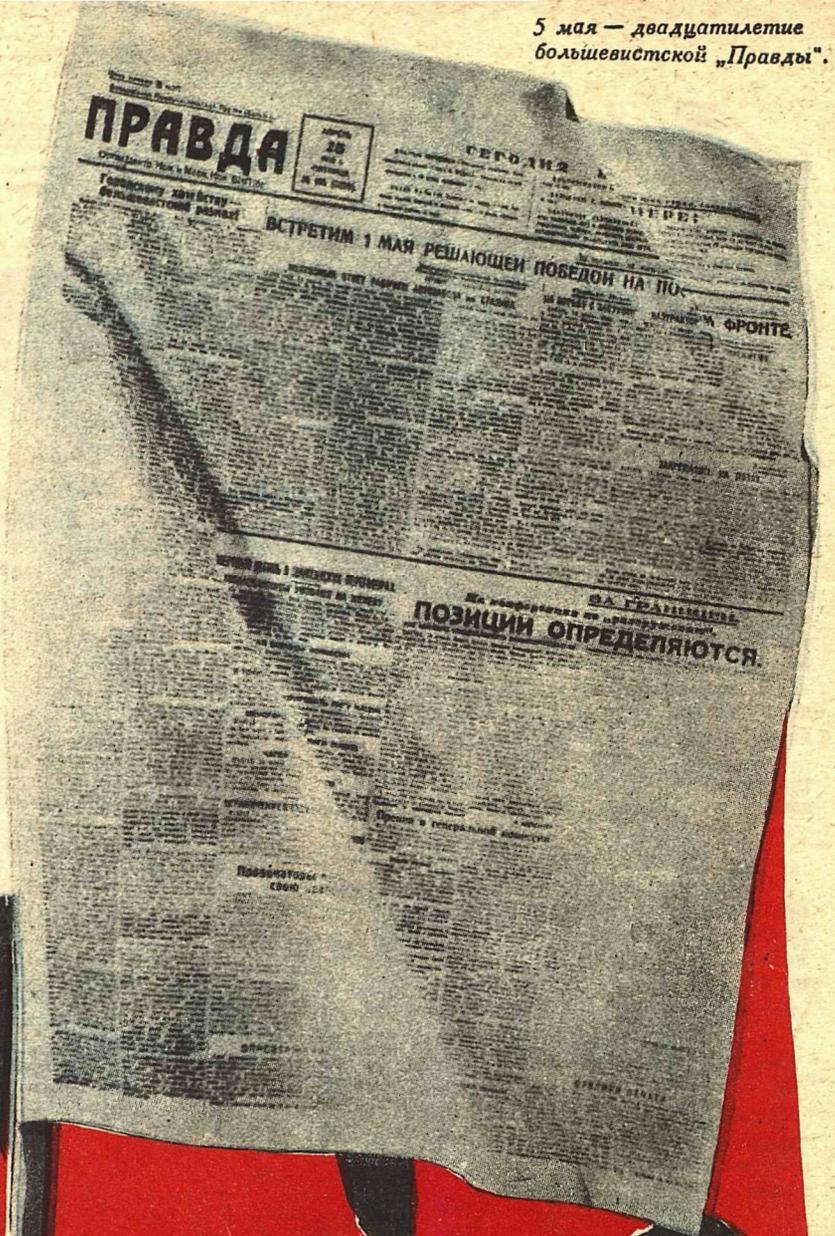
2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Сушевский вал. 49.

Зак. № 982. Тираж 500.000 экз.

14852

40
27/IV

АРХИВ
21 8 АПР. 1932
Г. Ц. К. П.

Ю. Ганф

ПОД ЗНАМЕНОМ „ПРАВДЫ“

ПОД ЗНАМЕНОМ ЛЖИ